

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

С.Н. Хорунжий¹⁾, А.В. Арапов²⁾

¹⁾Воронежской областной Думы, Воронежский государственный университет

e-mail: snhor@mail.ru

²⁾Воронежский государственный университет

e-mail: arpv@mail.ru

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы соотношения государства и права, государственной идеологии и религиозной веры в ретроспективном аспекте исторического развития социума и публично-правовых институтов; приводятся аргументы в пользу формирования современной правовой среды, основанной на моральных, духовных и нравственных ценностях нашего общества, его исторических традициях и общественных идеалах.

Ключевые слова: государство, право, мораль, правовая среда, религия, церковь, ценности, традиции, суверенитет.

Author: Khorunzhy S.N., Arapov A.V.

Summary: in the present article the analysis of a ratio of the state and the right, the state ideology and religious belief in retrospective aspect of historical development of society and public institutes are considered; arguments in favor of formation of the modern legal environment based on moral, cultural and moral values of our society, its historical traditions and public ideals are adduced.

Key words: state, right, morals, legal environment, religion, church, values, traditions, sovereignty.

Соотношение общества, государства, религии, роль и место каждого из этих институтов в соответствующей эпохе и культуре – ключевые вопросы, которые были и остаются актуальны всегда. При этом они являются не только предметом умозрительного размышления просвещенных людей, но определяют также внешние формы цивилизационного устройства и внутреннюю архитектуру любого государства. Причиной тому является непреходящая ценность лежащих в их основе фундаментальных категорий, определяющих социокультурную матрицу человеческого общества, современную правовую среду. Теологические концепции и доктрины, изначально основанные на элементах личностной (персональной) веры, сакрализации мира и сотериологического таинства, в результате обмирщения постепенно становятся предметом светской аксиологии, бытовой этики и в конечном счёте, – инструментом секулярной мотивации¹.

В силу того, что даже в профанном сознании вопросы веры продолжают предопределять выбор человеческого поведения, оценку его окружения, религия остаётся значительной силой, влияющей на социум. Воздействие подобного инструментария (в виде богословских систем, теологических доктрин и философских теорий) столь велико, что они могут приводить как к прогрессивному, поступательному развитию общества и государства (реформация в Европе), так и к

---

¹ Вряд ли по-другому можно оценить существовавшие в средние века злоупотребления в выдаче «разрешительных грамот» (*indulgentia* – в католической церкви или *sygchorochartion*, предоставляемой в соответствии с позицией Константинопольского собора 1727 года, некоторыми православными патриархами), которые в мирском сознании воспринимались исключительно как прощение грехов за плату, вопреки богословскому обоснованию индульгенции как «отпущение перед Богом временной кары за грехи, вина за которые уже изглажена». Подробнее см.: *Philip Ilios. Sygchorochartia // Ta istorika, Athens. Vol. 1 (1983), P. 35 – 84; Vol. 3 (1985), P. 3-44; Кармирис И. Ta Dogmatika kai Symbolika mnimeia tis Orthodoxou Katholikis Ekklesias (Догматические и символические памятники Православной Кафолической Церкви), Т. 2, Graz-Austria, P. 867-868.*

совершенно противоположным шагам – крестовым походам в средние века, экстремизму и терроризму – в наше время.

По этой причине изучение вопросов взаимодействия религии и государства, власти и веры позволяют найти взаимопользные формы сотрудничества, добиться согласия и единозвучия, сделать их соработниками, минимизировать действие не только откровенно разрушительных сил, но также тех, которые, прикрываясь всеобщим благом, подменяют «божие» «кесаревым»: когда вместо библейской симфонии общество получает буллу *Ad extirpanda*² или некоторые весьма политизированные высказывания на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов³.

Не преследуя в данной работе цели найти наилучшую форму государственного устройства и управления общественными делами отметим, что, как свидетельствует история, величие государства (большого и малого) достигалось лишь во времена содружественного действия светской власти и общества, государственной власти и религиозной идеологии, действующих в рамках соответствующей правовой среды. Последнюю предлагаем рассматривать как совокупность отношений, юридических связей, правовых доктрин и идей, правоприменительной практики, создающих предпосылки для правового поведения субъектов в соответствующей социальной системе, функционирующей в пределах государственной территории в конкретный исторический период ее развития⁴.

I. Религиозно-идеологические предпосылки появления политической теологии.

Поступательное движение вперед возможно в том случае, когда изменения законодательства и реформы государственных институтов проводятся с учётом исторически сложившихся отечественных правовых и политических традиций, системы моральных, культурных и религиозных ценностей.

Даже в языческом мире могущество Рима было повержено, когда религия уступила место культу и суеверию. Цицерон, прекрасно понимавший это, писал: «Боги нужны для сохранения общественной системы; без них общество превратится в хаос, вера, правосудие, сообщества рода человеческого – все развалится»; поэтому богов необходимо сохранить и всячески поддерживать официальными действиями, «ибо их функция – крепить единство государства»⁵.

Отмечаемая последние несколько веков повсеместная секуляризация общественных отношений, казалось бы, отодвигает на самый последний план вопросы веры, религии, теологии. Однако, это только видимость. По мнению К.Шмитта, оказавшего существенное влияние на развитие политической теологии, «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия»⁶. Отметим также, что еще Лейбниц юриспруденцию сравнивал с теологией, тесно сближая право, нравственность и религию⁷.

На самом деле Библия, к примеру, свидетельствует о времени, когда Бог определил Моисея (Исх. 3:12) выразителем Его воли: «И сказал Моисей тестю своему:

² Булла «Ad extirpanda» (букв. «Для искоренения») оглашена 15 мая 1252; разрешала инквизиции пытаться подозреваемых в ереси. Впоследствии отменена.

³ См., например: *Мартышин О.В.* Государство и религия (эпоха Советской власти) // Государство и право. 2013. № 8. С. 35 – 45.

⁴ См.: Концепция инновационного развития правовой среды / Автор. колл.: О.И.Чердаков, Н.А.Жильцов. М., 2013. С. 4 – 6.

⁵ *Цицерон.* О законах. II. 8, 19. Цит. по: *Шеррард Ф.* Греческий Восток и Латинский Запад: Исследование христианской традиции. М., 2006. С. 27.

⁶ *Шмитт К.* Политическая теология. Сборник / Переводы с немец. заключит. статья и составление А.Филиппова М., 2000. С. 57.

⁷ Приводится по: *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. М., 1906. С. 378 – 379.

народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю уставы Божии и законы Его.» (Исх. 18:15,16); а также о времени, когда «Господь воздвигал ... судей» (Суд. 2:17), поскольку «...нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1), «ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано» (Кол. 1:16).

В ответ на светскую критику обмирщенных политологов о том, что указанные слова ведут к формированию деспотии, заметим, что на самом деле на Ближнем Востоке царь никогда не получал титула «божественного» (как фараон в Египте) или статус верховного жреца (*Pontifex Maximus*), который имел римский император. Напротив, всякий монарх оставался лицом глубоко подотчетным Высшему источнику власти. Более того, глава государства был первым из обязанных соблюдать законы. При этом ответ он держал не перед плебсом, но перед Ним: «... когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево...» (Книга Второзаконие 17:18-20). Как видим, в иудаизме государственная власть данная Богом, в качестве высшей инвеституры, была подчинена закону, почитаемому царем!

Гений А.С.Пушкина выразил это в великолепном четверостишии (Вольность. Ода):

Владыка! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

Впоследствии не галахические доктрины, но римский институт верховного жреца (*Pontifex Maximus*) стал культовой и интеллектуальной почвой, на которую легло зерно государственного христианства периода Константина Великого. С того момента, когда христианство стало государственной религией, возникла конкуренция в первенстве между светской и духовной властями⁸. Император-христианин не мог обладать высшим авторитетом в делах духовных, поскольку этот авторитет принадлежал Церкви («отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» Мтф. 22:21). Император обладал верховной властью в мирских делах, но не в отношении Церкви. Здесь на помощь приходит идея власти от Бога, но уже совершенно с иным содержанием – формулируется правило: «Ничто не должно происходить в церкви без повеления и воли императора»⁹. Отметим, что такая позиция разделялась не всеми просвещенными христианами: «Я не одобряю царя, который, по обычаю тиранов, похищает священство», – говорил прп. Иоанн Дамаскин¹⁰.

В IV веке отождествление церковной власти с гражданской достигло своего апогея. На II Вселенском Соборе в Константинополе указанное тождество было властно санкционировано: над группой гражданских областей (*diocese*) ставился

---

⁸ Достаточно вспомнить слова епископа Нумедийского Доната по отношению к Константину Великому, выстраивавшего отношения сотрудничества между церковью и императорской властью: «Какое дело императору до Церкви?» (цит. по: *Шеррард Ф.* Указ. соч. С. 39).

⁹ *Greenslade S.L.* Church and State from Constantine to Theodosius. London, 1954. P. 78 – 80.

¹⁰ *Прп. Иоанн Дамаскин.* Второе слово // Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. XII / Рус. пер. Бронзова А., СПб., 1893. С. 53.

наместник, который получал церковный титул экзарха (exarch) с функцией «верховного» митрополита и резиденцией в гражданской провинции.

Наверное, это один из первых политико-юридических шагов на пути политизации религии и секуляризации церкви одновременно. Отметим, что происходящая подмена светского – духовным, а сакрального – мирским была двунаправленной. С одной стороны, деятельность церкви пытались регламентировать как любую иную гражданскую организацию, с другой стороны, светская власть все более приобретала клерикальный характер¹¹.

Как показывает история, не может быть победителей в этом «теолого-государственном» соревновании. Власть всегда политически ангажирована, сиюминутна и эсхатологична, церковь же – сакральна и вневременна. Попытка слияния трансцендентного и имманентного (И. Кант) повлекло изменение отношений между духовной и мирской властью: теперь уже не император как Верховный понтифик (Pontifex Maximus), но папа стал единственным центром христианской теократии. За этим следует иное толкование прежде божественной монархии: освящение императора рассматривается теперь как простое «облечение властью», производимое властью папы. Последовавшая в средние века борьба между властью императора и папой, светской и духовной, как видим, была неизбежна¹². Уязвимость такого явления как цезарепапизм признается сейчас практически во всех направлениях христианства (католиками, православными, протестантами).

Потерпевший провал объединительный Флорентийский Собор (1438 – 1439 гг.) привёл к окончательному разделению христианских церквей; в светской жизни это обернулось захватом турками Константинополя и крахом Византийской империи. Как видим, следствием теологических разногласий (вроде вопроса о филиокве – лат. *filioque* букв. – «и Сына») стали не только раскол, схизма, между Римской и Православной Кафолической церквями, но и последующие геополитические преобразования. История неоднократно свидетельствует о существующей тесной связи общества, государства, власти и религии.

Вместе с этим, падение Константинополя и крах Византийской империи с точки зрения экклезиологии можно также расценивать как возможность вернуться к подлинной независимости Церкви, освобождения от государственных и мирских дел¹³, которыми она вынуждена была заниматься в предшествующие периоды. Политизация церковной жизни, самостоятельность ее светского статуса стала ценой за утрату автокефальной свободы в духовном мире и независимости – в секулярном. Отметим

---

¹¹ Идея церкви как «Тело Христова» (Павлово – «*corpus Christi*»), постепенно, благодаря в том числе философско-теологическим изысканиям Формы Аквинского заменяется сначала на (*corpus Christi mysticum*), а затем – на просто *corpus mysticum*. Последнее, как указывают исследователи, имеет уже юридические черты корпорации (*persona*), хотя еще и мистической (*mystica*) – шаг, «в направлении, позволяющем клерикальному корпоративному институту *corpus ecclesiae iuridicum* совпасть с *corpus ecclesiae mysticum* и тем самым «секуляризовать» понятие «мистического тела». Появляется *mystical person* («вымышленное лицо»), имеющее сохранившийся до сих пор свой юридический аналог (эквивалент) – *persona repraesentata* или *ficta* – правовая конструкция юридического лица, фикция. Подобная замена отвечала настроению в среде богословов во времена папы Бонифация VIII – «в век, когда предметом спора часто был вопрос, кто, юрист или богослов, в качестве верховного понтифика смог бы лучше заботиться о душах христиан» (см.: *Шеррард Ф.* Указ. соч. С. 130 – 133; *Фома Аквинский.* *Summa Theologica.* III. 48, А. 2).

¹² *Шеррард Ф.* Указ. соч. С. 140 – 143.

¹³ Недвусмысленный намек в комментарии к Торе «когены и левиты не владели земельными наделами. История Европы является прекраснейшей иллюстрацией того, что может произойти, если священнослужителям не запрещено владеть землей» (Тора. Пятикнижие и Гафтарот: ивритский текст с русским переводом и классическими комментариями «Сончино» / комментарий д-р Й. Герц. М., 2004, Иерусалим. С.1197). Об имущественных вопросах и связанных с этим социальных волнениях и духовных проблем мирян см., например: *Вяткин В.В.* Социальные последствия обогащения церкви в России в XV – XVIII вв. // *Вопросы истории.* 2013. № 1. С. 54 – 63.

здесь положительную роль традиционного ислама. Именно его нормы (священный свод законов – шариат), пришедшие вместе с турецким владычеством, устанавливали веротерпимость по отношению к «Людям Писания», к которым относились последователи иудаизма и христианства; и при соблюдении ряда законов (в том числе уплаты налогов) гарантировалась безопасность в исповедании христианской веры¹⁴.

К сожалению, история приводит и противоположные примеры, когда государственная власть, не отграничивая религию от государственной идеологии, политизирует саму веру, авторитарно изменяя светские законы в угоду узкополитической целесообразности. Так, например, нелюбовь императора Юлиана (Отступника) к христианству привела его к изданию акта о запрете христианам получать классическое (полное) образование¹⁵ и политической поддержке иудаизма. Однако после смерти Юлиана христианская церковь усилила прежнюю кампанию как против иудаизма, так и против иудействующих в церкви¹⁶. Прав был Соломон, сказав «суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом» (Притчи 30:8).

Не прекращающиеся попытки переоценить роль и значение церкви, а также ее места в государственно-политической системе, отражались как на философско-идеологическом уровне архитектуры власти, так и в предметной работе по государственному строительству и формированию гражданского общества. Для понимания этих процессов представляют интерес зарождавшиеся в средние века либерально-демократические идеи, идеологи которых оперировали известными всем христианскими, вероучительными ценностями, но изменяли их структуру и соотносимость друг с другом.

---

¹⁴ Заметим, что в дальнейшем Греческая Церковь не избежала искушения латинского епископата: спустя время она также была втянута в мирские заботы (государственные и царские дела). Уже Магомет II предоставлял привилегии греческому епископату внебогослужебного характера – «дары» от царской власти. Новая тесная связь с невоцерквленной властью в последующем открывала путь широкому распространению системы продажи церковных должностей (симонии), названной в честь патриарха Симеона Трапезонского (1466 г.), с которого по сути была санкционирована покупка патриархом его «избрания» (подробнее см.: *Шеррард Ф.* Указ. соч. С. 148 – 152). По заметкам иностранных наблюдателей, церковный иерарх, получивший власть таким образом, рассылал всем епископам требование возместить сумму, затраченную на избрание, епископы требовали у подчиненного духовенства, последние – у прихожан (*Wheler George.* A Journey to Greece. London. 1682. P. 195). В конечном счете, как указывает Ф.Шеррард, греческая церковная иерархия после падения Византийской империи оказалась служанкой кесаря и мамоны, а смена тридцати четырех патриархов всего за 107 лет (1694 – 1801 гг.) дает совершенно определенное представление о степени коррупции (*Шеррард Ф.* Указ. соч. С. 151 – 152). Все это закончилось казнью в 1821 году патриарха Григория V за неспособность предотвратить восстание греческого народа, т.е. по сути за неспособность эффективно совместить две роли одновременно – светскую и духовную.

¹⁵ Ограничения в образовании, запреты изучения литературы и занятия наукой – инструментарий, который используется государственными деятелями часто под совершенно вымышленным предлогом о сохранности веры. Достаточно вспомнить указ императора Павла I, запрещавшего ввоз в Россию иностранных книг и нот: «Так как через вывезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг на каком бы языке оные не были, в государство наше, равномерно и музыку...». Пример, иллюстрирующий совершенно неудачную попытку сохранения своей власти, не пользующейся авторитетом даже в кругу собственной семьи, посредством апелляции к культуре и вере. Политизация религии – не самый лучший способ защиты культуры (национальная ценность которой, бесспорно, подлежит охране и поддержке!).

¹⁶ Отметим, что в том время многие верующие соблюдали установления обеих религий (подобно тому, как Мессия исполнял еврейские заповеди). Достаточно вспомнить, как выдающийся проповедник Иоанн Златоуст (Хризостом) пошел по пути жесткого осуждения всех иудействующих христиан, критикуя при этом и самих иудеев. Подробнее об этом см.: *Гиришман М.* Еврейская и христианская интерпретация Библии в поздней античности. М., 2002. С. 103 – 105, 123 -125.

Приходит время, когда обмирщённая власть становится элементом политической технологии. Уже Марсилиус Падуанский в XIII веке вместо суверенитета божественного постулирует народный суверенитет, указывая, что «верховным законодателем человеческого рода является только совокупность людей, по отношению к которым применяются принудительные положения закона...»¹⁷. Если в идее богоданности (теономности) власти подданные не столько призываются к повиновению Власти, сколько к повиновению Бога, то, в трактовке итальянского политического философа и схоласта, Власть освобождается от контроля Бога и Церкви. Иными словами, передача Богом власти, как полномочия от Него (вместе с обязанностью использовать власть исключительно в соответствии с Его намерениями), заменяется волей народа как высшего суверена и источника всякой власти.

Здесь, как это ни парадоксально, возникает абсолютно легальная (законная) почва для появления легитимной тирании и деспотизма. Ирония состоит в том, что она заложена идеологами теории общественного договора и других демократических доктрин. В частности, именно Томасу Гоббсу принадлежат слова о том, что «...никакой закон не может быть несправедливым. Закон издается верховной властью, а все, что делается этой властью, признается каждым из людей, а то, что соответствует воле всякого отдельного человека, никто не может считать несправедливым» (Левиафан Ч. II, гл. XVIII). Власть в республике исходит не от Бога, но от народа, который передает ее своему суверену, и поскольку последний «...действует исключительно по полномочию, то как те, кто вручил ему это полномочие, могут жаловаться?»¹⁸.

Причина таких выводов коренится в перестановке всего лишь двух слов, которые произвел мыслитель, сформулировав основной принцип политической теологии: авторитет, а не истина создает закон («Auctoritas non veritas facit legem»)¹⁹. Следуя такой логике, именно авторитет гарантирует истину; а репрезентация некоей идеи, которая подтверждена авторитетом, претендует на публичное, т.е. политическое признание и политическую действительность; именно авторитет обеспечивает достоверность мысли. Такая позиция может привести к оправданию любой деспотии и тирании, ибо главное – наличие авторитета у правителя, тогда все его веления автоматически становятся истинными!

Развивая эту мысль, Спиноза в «Богословско-политическом трактате» об основании государства говорит: «Мы безусловно обязаны исполнять абсолютно все, что нам повелевает суверен, хотя бы его приказания были бы самыми нелепыми на свете.»²⁰

Политический дискурс веков завершает Руссо, который волеизъявление Бога заменяет *volonte generale* (общей волей народа) с последующим признанием истинности всякого общего волеизъявления, где воля народа всегда правильна: «каким бы образом ни желала нация, довольно того, что это она желает; все формы хороши, и воля ее всегда есть высший закон»²¹. На что современный французский ученый

¹⁷ Жувенель Б. Власть: Естественная теория ее возрастания. М., 2011. С. 59.

¹⁸ Жувенель Б. Указ. соч. С. 64 «...все, что бы верховный представитель ни сделал по отношению к подданному и под каким бы то ни было предлогом, не может считаться несправедливым или ущербом, так как каждый подданный является виновником каждого акта, совершаемого сувереном». Поэтому, вывод о неограниченности власти у Гоббс основан не на верховенстве Бога, но – народа.

¹⁹ Михайловский А.В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 152.

²⁰ Жувенель Б. Указ. соч. С. 64, 67 – 68; ср.: «...пока мы верим в Бога и пока мы призваны в Его царство, мы не должны быть подчинены никакому человеку, который бы попытался уничтожить дар вечной жизни, данный нам Богом» (Св. Августин. Комментарий на Послание к римлянам). Схожим образом в рамках народного суверенитета мыслил и Руссо, считая, что суверенитет создается посредством безоговорочной передачи личных прав – праву суверена, которое является абсолютным.

²¹ Цит. по: Шмитт К. Указ. соч. С. 74. О благонамеренных теоретиках с вредоносными тенденциями, ставшими впоследствии апологетами Гитлера и тоталитарных государств (К.Шмитт и др.) см.: Хайек

Б. Жувенель, исследуя природу власти, восклицает «Какой контраст между Властью, держащейся исполнения Божественного закона, и Властью, которая вобрав в себя все личные права, совершенно свободна в своем поведении!»²².

Отметим, что изложенное выше политико-теологическое понятие авторитета подводит к осуществлению властных полномочий, далеко выходящих за рамки справедливости и гуманизма. Так, один из принципов политической теологии уже другого мыслителя – Штефана Георге – постулирует (по формулировке А.В. Михайловского) притязание государства на тотальное господство, а также готовность к служению и послушанию превосходящей власти²³.

Думается, что значимость подлинно универсальной Истины не нуждается в подтверждении каким-либо авторитетом, она сама авторитетна в силу своего объективного существования (авторитет как своеобразная ипостась истины). Очевидно, что авторитет власти – бесспорное качество любой легитимной власти, что не нуждается в пространных комментариях. Однако отождествление истины, авторитета и светской власти может иметь крайне тяжелые последствия. Здесь уместно напомнить о влиянии, которое оказали Георге и его ученики на праворадикальную мысль Веймарской республики, а также о симпатии к национал-социалистической идеологии. Тождество авторитета власти и априори законности принимаемых ею решений привело к известным процессам уже Нацистской Германии.

Понимание мировым сообществом недопустимости безоговорочного слияния высшего авторитета, власти и закона одновременно привело к теперь уже повсеместной мировой практике разграничения правовых (конституционных) и неконституционных законов. Специально уполномоченный орган (в России – Конституционный Суд РФ) вправе принять решения о признании нормативного правового акта недействительным и не подлежащим применению (например, в случае его противоречия общепризнанным ценностям и нормам, защищаемым Конституцией РФ). Такое полномочие Суда реализуется даже в тех случаях, когда обжалуемый правовой акт принят с соблюдением всех процедурных правил. Именно это трудное для юридической доктрины разделение права, закона и справедливости позволяет избежать известных ранее злоупотреблений авторитетом власти, тирании и деспотии.

В то же время полный уход от формально-юридических, нормативных регуляторов в управлении государством и обществом, избыточный аспект на философских и теологических категориях справедливости, истины, добра в функционировании государственных механизмов тоже сулит печальный исход: политизацию веры и бюрократизацию церкви. В свое время доктрина подчинения Церкви государству (эрастианство или эрастианизм) превратила Церковь в государственную службу, а ее иерархов – практически в чиновников управленческой бюрократии. Конечно, в долгосрочной перспективе это не принесло пользы ни церкви, ни государству.

Очевидно, что религиозная деятельность и власть, употребляемая церковью, не должны выходить за свои рамки. Даже светские критики идеи всякой власти от Бога указывали, что апостол Павел в своем обращении к членам Римской церкви («Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Рим. 13:1) стремился побороть вероятно присутствующие в римской христианской коммуне тенденции гражданского неповиновения, что могло

Фридрих Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 85 – 90.

²² Жувенель Б. Указ. соч. С. 65

²³ Михайловский А.В. Указ. соч. С. 153.

навлечь на христиан преследования и увести их деятельность от ее настоящего предмета – завоевания душ²⁴.

II. Секуляризация национальной правовой среды современной России.

История развития человеческого общества, как видим, иллюстрирует самые разные попытки организации взаимодействия между церковью и властью, религиозной верой и государственной идеологией. Соответствующим образом изменяется и правовая среда. Постоянство этого процесса свидетельствует об объективной необходимости сосуществования и содружественной работы каждого из этих институтов. Проблема состоит лишь в выборе наиболее эффективных с точки зрения перспективы развития общества и государства форм, методов и инструментов такого взаимодействия²⁵.

Сделаем небольшой экскурс в предреволюционную эпоху в России.

Понимание монарха как помазанника Божьего и живого Его символа в русской консервативной мысли превосходно выражено Н.В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий, как это признает покуда чутьем, вся земля наша <...>. Всё полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословья и звания, и обративши все, что ни есть в нем, как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущем народе своем, государь приобретет тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству и которого прикосновение будет не жестко его ранам, который один может только внести примиренье во все сословия и обратить в стройный оркестр государство. Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который сам есть любовь»²⁶.

На протяжении длительного времени мировоззрение большинства населения России было тесно связано с монархическим политическим строем и аграрно-ориентированным экономическим укладом. Естественно, мировоззрение различных социальных групп не могло быть одинаковым. Однако, поскольку государственный строй не держался на одном лишь голом насилии, должно было существовать определенное согласие относительно культурных, политических, хозяйственных моделей, должна была существовать некоторая общая идеология. Несомненно, для упомянутого согласия необходимо: 1) наличие общего представления о некотором идеале религиозной, государственной, хозяйственной жизни; 2) сознания определенного соответствия наличной действительности этому идеалу, соответствия, достаточного для того, чтобы считать существующее положение вещей в целом удовлетворительным. Слишком явное несоответствие наличной ситуации идеальной

---

²⁴ Жувенель Б. Указ. соч. С. 57.

²⁵ Эволюция человеческого общества, изменение культурно-технологических основ, ставит гораздо больше вопросов и дает меньше ответов. Если в средние века (и ранее), поведение человека, а значит и детерминирующая его мотивация, определялись решением вопросов сущностного, бытийного характера, то в наше время функциональный аспект практически полностью вымыл субстанциональный: самобытная личность заменена обезличенной персоной (маской). Указанная замена проявляется не только в организации общества и профессионально-производственных отношений, она меняет мир, культуру в целом. Вместо яркого разнообразия и индивидуальности социума мы приобретаем аморфное состояние и «социально нейтральные» категории: «политкорректное», «денациональное», «гендерно-неопределенное», «неполносемейное», «провокативное» (подробнее об этом см., например: *Киселева М.С.* Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 48 – 53).

²⁶ Гоголь Н.В. Собр. соч. в семи томах. Т. 6. / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 244-245.

модели может вызвать следующие последствия. Во-первых, разочарование в самой идеальной модели, попытка построить новую идеологию, соответствующую динамике социальных изменений. Во-вторых, стремление изменить действительность, дабы восстановить соответствие ее прежней модели. Иначе говоря, в этом случае можно ожидать возникновения революционной и консервативной тенденций в общественном сознании, неизбежно затрагивающих и сферу духовной культуры. И так, в течение продолжительного периода, вплоть до реформ 1860-х годов, идеальной моделью построения социальных, экономических, религиозных отношений была патриархальная модель. Во главе государства стоял монарх, наделенный сакральной харизмой. Он воспринимался как отец своих подданных, как "Царь-батюшка". И в сфере взаимоотношений помещик - крестьяне выдвигалась как идеальная модель взаимоотношений по типу отец - дети. Здесь достаточно упомянуть "Путешествие из Москвы в Петербург" А.С. Пушкина и "Выбранные места из переписки с друзьями" Н.В. Гоголя. Здесь следует отметить и тот факт, что идеология Пугачевского восстания при всей своей антидворянской направленности носила монархический характер и ставила под сомнение действительность конкретного воплощения монархического идеала, но не сам этот идеал. Существовавший социальный порядок рассматривался как исходящий непосредственно от Бога, как проявление Божьей воли, Божьего промысла. Более или менее стабильное существование было обеспечено и для дворянства, и для крестьянства, и для духовенства, сблизившегося в экономическом отношении с крестьянством (сельский священник) или дворянством (монастыри, церковная иерархия). Соответственно, и авторитарная власть монарха воспринималась не как чуждая и враждебная сила, а как выразитель и защитник интересов представителей различных сословий и, прежде всего, дворянства. Сам монарх был и "первый дворянин", и высший хранитель аристократической традиции и культуры.

Однако в пореформенную эпоху ситуация изменяется. Уклад аграрно-аристократический уступает со все возрастающей скоростью укладу промышленно-капиталистическому. Отношения, основанные на прежних традициях и моделях, уступают место отношениям, основанным на новом, буржуазном идеале - идеале голого экономического расчета, прибыли любой ценой; все становится предметом купли-продажи. Прежнего помещика-аристократа теснит новая фигура капиталиста - зачастую выходца из низов. Гоголевский "Чичиков" или чеховский "чумазый" с их культом денег выдвигаются в центр социально-экономической жизни России. В тяжелом положении оказывается крестьянство. Значительная часть его обезземеливается, порывает с сельским хозяйством и пополняет ряды формирующегося пролетариата. В крайне неустойчивом и затруднительном положении оказывается и тесно связанное со своими прихожанами белое духовенство. Представители обоих новых ведущих классов буржуазии и пролетариата оказываются равно оторванными от традиции, связанной с аграрным укладом. Таким образом, в обществе в целом происходит разрушение предшествующего традиционного уклада с его системой освящения трудовых и бытовых аспектов жизни. Такова ситуация в пореформенной России. В русской религиозной философии наметились два пути поиска выхода из создавшейся ситуации. В первом случае провозглашается утверждение старого традиционного идеала, сохранение того, что еще соответствует этому идеалу в наличной действительности. При этом сам идеал, с одной стороны, полемически заостряется, с другой - философски осмысливается, вводится в сферу рефлексии. Это путь консервативно-аристократический. Представители первой группы стоят на позициях реализации христианского идеала, как он был дан в традиции. Консервативные тенденции достаточно широко представлены в русской философии.

Вторую группу образуют те представители "нового религиозного сознания", символисты, которые призывают к полной смене идейной модели. Наиболее заметными фигурами здесь являются Андрей Белый, Ник. Бердяев, Дм. Мережковский, А. Блок. Из создавшейся социально-политической ситуации они делают весьма радикальные выводы. В их работах прослеживается мысль об открытии принципиально новых духовных и социальных идеалов. В социальной сфере монархический идеал заменяется идеалом мистического отрицания всех существующих форм государственной, экономической и общественной жизни и/или идеалами религиозной революции. В их трудах также присутствует острая критика существующего положения вещей. Бердяев радикально отвергает общественность как "буржуазно-политическую", так и "социалистическую" (которую он считает разновидностью буржуазной)²⁷. Он подвергает острой критике современную ему цивилизацию: "Буржуазная цивилизация есть предел некосмичности мира. <...> Технические силы цивилизации властвуют над самим человеком, делают его рабом, убивают его душу"²⁸. Бердяев отвергает существовавший монархический порядок. "Православно-государственный абсолютизм с его безмерной тяжестью менее всего можно назвать идеологией новозаветной, христианской в собственном смысле этого слова"²⁹. Апокалиптические мотивы, которые присутствуют и в трудах философов православной церковной ориентации, в сочинениях символистов и сторонников "нового религиозного сознания" занимают одно из центральных мест. В Мировой войне, революциях, природных катаклизмах и общественных потрясениях символисты видели "знамения времени", знаки коренного перелома в судьбах человечества. А. Белый и А. Блок приветствовали революцию как разрушение старой государственности и как путь к народному, коллективному творчеству. Радикальному переустройству общества соответствует радикальное переустройство сакрального пространства. Для этого сначала скажем несколько слов о структуре православного сакрального пространства вообще. В центре всякого сакрального пространства (как географически-конкретного, так и внутренне-ментального) находится храм, алтарь, святилище. Для православной традиции это, естественно, православный храм. Этот центр есть место наибольшей святости, источник освящения и наполнения жизнью всего окружающего. Храм обладает наибольшей онтологической упорядоченностью и аксиологической позитивной значимостью. Он отождествляется с наивысшей степенью благочестия. Далее, в различной степени близости его располагаются различные по степени сакрализации модусы мирского бытия. Им, соответственно, присуща различная степень упорядоченности, причастности к благочестию, к святости, к истине. На периферии сакрального пространства находятся максимально удаленные от храма области, которые близки к внешнему хаосу, которые отличаются нечестием, беспорядком, лживостью и обманчивостью. В православном мирозерцании эту область представляют, в частности, кабаки и балаганы, воплощение нечистоты и дьявольских искушений. Географически периферия сакрального пространства может ассоциироваться и с реальной городской окраиной, что, например, в сочетании с кабаком дает образ "последнего кабака у заставы. Путь символистов - радикальная реконструкция, реструктуризация сакрального пространства, когда центральная его часть и периферия меняются местами. И то, что рассматривалось как крайняя степень мирского, нечестивого, начинает восприниматься как наиболее бытийно насыщенное. В том, что ранее было наиболее профанным стремятся увидеть новое явление сакрального. Истинное пытаются увидеть через обманчивое, священное через

---

²⁷ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. / Н.А. Бердяев. - М. - 1989. - С. 486.

²⁸ Там же. С. 495.

²⁹ Там же. С. 483.

порочное. Радикальному переустройству сакрального пространства соответствует радикальный политический переворот, крушение старого социума с его религиозными, государственными и культурными институтами. Примером такой реконструкции служит эволюция мистических образов в стихотворениях А. Блока, которые играли важную роль в развитии символистского мировоззрения. Сначала в "Стихах о Прекрасной Даме" мистические образы Девы, Жены, Царицы сопрягаются с образами Церкви, храмовой атрибутики. После появляются сомнения, разочарование, отчаяние. И затем там, где ее меньше всего можно было ожидать, возникает "нечаянная радость", новая сакральность, новое ощущение насыщенности жизни. Происходит «изменение облика» Прекрасной Дамы, которое Блок предсказывал еще в раннем стихотворении. На периферии природы, в мире "чертенят" и "болотных попилов", среди "Пузырей Земли" расцветает "Ночная фиалка". На периферии социальной, в рабочих кварталах происходит "Ее пришествие", поэт встречает "Незнакомку" на окраине города, в ресторане, среди "пьяниц с глазами кроликов". Наконец, Иисус Христос идет впереди отряда революционных матросов. Однако, когда ожидаемая революция совершилась, то она оказалась слишком ужасна для «нового религиозного сознания». Блок гибнет после попыток насладиться «музыкой революции». Мережковский в ужасе отшатывается от революции и становится из христианского революционера непримиримым антикоммунистом.

Государство приходит к поддержке духовных основ (веры, религии) в тех случаях, когда ставится под сомнение сама идея права как квинтэссенции добра, справедливости, всеобщего блага.

В свою очередь церковь обращается к государству в ситуации, когда либеральный индивидуализм начинает преобладать над всем, что соотносится с общим делом и пользой, когда эгоизм, «свободное произволение» ставится вопреки другим на первое место в качестве высшей ценности. Очевидно, именно такими обстоятельствами было вызвано принятие Федерального закона от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, такого рода посягательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность.

На самом деле государство защищает не религию, но общество с его наследием – культурой и обычаями, позволившими выжить и дойти до сегодняшнего времени. Следовательно, лежащие в них ценности носят объективный характер, реальность значения которых демонстрирует наш существующий современный мир. Некоторые традиции вполне могут быть признаны в качестве идейного источника норм, как со стороны государства, так и со стороны РПЦ, одновременно. Политическая власть, таким образом, реализует свою главную задачу – обеспечивает сбалансированную защиту интересов всех групп населения³⁰. Поэтому конструктивная критика указанных

---

³⁰ Данная позиция основана на положениях Конституции РФ и нашла отражение в актах Конституционного Суда РФ, который указал, что «религиозная свобода является одной из важнейших форм духовно-нравственного самоопределения личности и внутренним делом каждого». В то же время право на свободу совести и религии «не может ограничиваться исключительно пространством личной (частной) жизни, – получая свою реализацию во внешней сфере, в том числе в массовых коллективных формах, оно объективно приобретает и весьма общественное значение», поэтому принимая во внимание сочетание в религиозной свободе индивидуальных (личных) и коллективных, а также частных и публичных начал необходимо «обеспечивать разумный баланс интересов верующих и

выше законоположений должна идти не по пути огульного отрицания общих интересов и постулирования ценности эгоцентризма, но в поиске наиболее эффективных мер в деле защиты интересов всех членов общества. Очевидно, данная норма должна применяться таким обществом, чтобы обеспечить защиту всем легально существующим на территории Российской Федерации конфессиям и способствовать межконфессиональному миру и диалогу. Основой для выработки мер по защите интересов общества могут и должны служить фундаментальные ценности человеческой цивилизации – залог нашего дальнейшего развития. Именно по этой причине в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2013 года придано высокое, государственное значение культурным корням, вопросам патриотизма, нравственности и морали. Также отмечается, что сегодня от общества требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведёт за собой негативные последствия для общества, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлечённых идей. Президент РФ указал на необходимость защиты традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира³¹. Конечно, отметил В.В.Путин, это консервативная позиция. Но говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию.

Не следует забывать, что современные демократические институты свободы слова, гуманизма появились именно на почве существующей европейской цивилизации, преимущественно став результатом развития христианских ценностей. Иными словами, современная пропагандируемая секулярная мораль выросла из сакральных норм, церковных правил и установлений. Однако есть и обратная сторона – процесс обмирщения христианского гуманизма. В его рамках допускается, например, умышленное лишение жизни по просьбе самого человека о его умерщвлении – эвтаназия. Святость жизни (христианство, иудаизм, буддизм) прагматично редуцируется до определения неценности телесности больного человека, бессмысленностью его дальнейшего проживания жизни и аргументируется, как правило, ссылкой на значительные (и соответственно, невосполнимые с точки зрения материального прагматизма) расходы для поддержания состояния такого пациента. В

религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов, с другой, не посягая при этом на само существо данного права и не создавая препятствий для его реализации» Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2013.

³¹ Очень интересную трактовку позитивного значения традиционных, консервативных ценностей и нравов дает французский политический мыслитель Бертран де Жувенель. Изначально критикуя религиозную веру, происхождение власти от Бога, он тем не менее вынужден признать, что Власть ставит целью обеспечить общественный порядок, нравы и поддерживающие их верования, которые являются ее ценнейшими помощниками. Логика такого вывода достаточно проста и не потеряла актуальность в наши дни: до тех пор пока люди исполняют установленные нормы, их окружение может предвидеть, как они поступят в будущем при той или иной ситуации – «и в человеческих отношениях царит доверие.» В то время как отклоняющееся от нормы поведение опрокидывает все расчеты и вынуждает принимать всевозможные меры предосторожности, дополнительно жестко регламентируя сферу общественного. Именно поэтому, замечает исследователь, «древние вполне оправданно держали иноземца на расстоянии. Это человек других нравов, нельзя знать заранее, что он будет делать» (Жувенель Б. Указ. соч. С. 266).

рамках секулярного сознания такая логика абсолютно уместна и допустима. В то же время история показывает нам напуганнейшие последствия утилитарного отношения к человеческой жизни, доведенного до абсолюта в концлагерях нацистской Германии.

Мы имеем собственную, уникальную историю развития отношений между обществом, государством и церковью, подлинной глубокоуважительной толерантности к культурам, вере и быту³² других народов, то, что не удалось до сих пор повторить развитым странам Европы, откровенно признавшим провал на своей территории идеи мультикультурализма.

Трудно не согласиться в этом смысле с позицией Рауля Гайнутдина, высказанной им на заседании Консультативного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Он подчеркнул, что «именно в России, благодаря законодательным инициативам императрицы Екатерины Великой, в частности, предоставлению духовной и культурной автономии нерусским народам, удалось благоприятно разрешить сложнейшие социально-политические коллизии». Поэтому, замечает шейх, сегодня при разработке государственных документов в этой сфере нам следует удержаться от «соблазна скопировать те законы и нормы, которые принимаются в последние годы в странах Западной Европы» – подобно запрету строительства минаретов в Швейцарии или легализации однополых браков во Франции³³.

Продолжая тему обустройства международных и межрелигиозных отношений, Всеволод Чаплин совершенно справедливо говорит о необходимости институционального развития культуры и образа жизни каждого народа, включая русский народ, а также обязательность «... обратить внимание на опыт многих стран, ... который четко регламентирует, что ты можешь сделать в общественном пространстве, а что нет»³⁴.

Конечно, вопросы взаимоотношений церкви и государства, власти и религии весьма многогранны. Однако причина в прошлом сравнительно успешной работы в этом направлении, на наш взгляд, находится в двух плоскостях.

Первая – идеологическая составляющая. Это признание фундаментальных ценностей, принадлежащих всему человеческому обществу, именно социуму, а не только его отдельным представителям. Акцентуация личностной исключительности, первоочередная защита прав и интересов персоны, получающей основанное на законе преимущественное положение по отношению к обществу и его ценностям, – это цивилизационная проблема современного европейского общества. Насмешка истории в том, что появление таких ценностей как личная неприкосновенность, свобода слова и вероисповедания, а также прочих, стали достижением общего труда, борьбы и настойчивости объединенных общей идеей всех членов общества, в том числе через принесения себя в жертву ради общего блага. Теперь же указанное благо, завоеванное таким образом, в этих же странах попираемо мнением либо меньшинства, либо вообще отдельными единицами социума, которые всерьез отстаивают и добиваются (!) признания их сугубо личных, индивидуалистических ценностей в качестве авторитетного норматива для абсолютного большинства граждан этой страны.

---

³² Особенно в тех случаях, когда, например, камнем преткновения могут стать «алогичные», по мнению атеиста или иноверца, вопросы вроде галахического дискурса можно ли иудею есть яйцо, снесенное курицей в субботу или праздник? Фундаментальный разбор в трактате «Бейца» Вавилонского Талмуда занимает 12 страниц и изучается в ешивах в течение нескольких месяцев! (см.: *Ядан Я.* Запретный Талмуд. М., 2012. С. 13).

³³ Выступления участников заседания Консультативного совета при Председателе Совета Федерации по международным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями // Вестник Российской нации. 2013. № 3-4. С. 281.

³⁴ Там же. С. 277 – 278.

Ошибочность подмены представляется очевидной – общество развивается только тогда, когда индивидуум «вплетен» в социум, когда он наилучшим образом использует свой собственный потенциал в интересах окружающих его людей. Человек остается человеком только находясь в обществе.

В зависимости от того, насколько справедливо это организовано, мы можем говорить либо о рабовладельческом, либо о феодальном или же – современном, претендующем на статус «цивилизованного», обществе.

Индивидуалистическая психология приводит в конечном счете к конфликтам, которые, по словам патриарха, «обрекают нас на жизнь в сотрясающемся доме»³⁵; а такие ценности как вера, любовь, долг, ответственность, солидарность, – отмечает патриарх, – теряют свое значение, семья шатается, сиротство, алкоголизм, наркомания, бытовая преступность, демографический кризис, супружеская неверность, аборты становятся привычным российским неблагополучием. Вместе с одной бедой идет и вторая – распространение экстремизма, процветание радикализма, что по мнению Предстоятеля РПЦ, напрямую связано с религиозной безграмотностью и псевдорелигиозностью³⁶.

На самом деле обскурантизм, мракобесие до сих пор не изжиты, несмотря на технологические революции, шествующие по всей Земле. Это свидетельствует о культурологических и гуманитарно-образовательных проблемах нашего общества, нуждающегося прежде всего в глубокой и широкой просветительской работе. В решении этих вопросов существенное значение следует придавать религиозному образованию.

Что касается разграничения работы в рассматриваемой нами идеологической составляющей, обратим внимание на четкое и, одновременно, образное высказывание, сделанное главой РПЦ в отношении веры, идеологии, силы и власти: «у государства есть меч при бедре, Церковь же этим мечом не обладает, поскольку в отличие от государства у нее нет права применять силу».

Такая государственная позиция не могла остаться без поддержки со стороны публичной власти: глава Верхней палаты ФС РФ Валентина Матвиенко заявила о необходимости создания действенных механизмов развития гармоничных взаимоотношений Церкви, власти и общества, защите традиционных и фундаментальных ценностей российского народа и категорически отвергла получивший в последнее время тезис о том, что абсолютных нравственных ценностей вообще не существует³⁷.

Вторая – предметная составляющая. В качестве содержательной части работы государства, общества и церкви давно следует отойти от средневекового соперничества между «или-или» (клерикализм, цезаропапизм, секуляризм, атеизм и проч.), приложив усилия более к соработничеству, нежели к поиску выгоды, исключив

---

³⁵ Яковлева Е. Вера по науке // Российская газета. 2014. №18(6290).

³⁶ Петров В. Право на силу и веру // Российская газета. 2014. №18(6290). Сюда можно также добавить примитивизацию подлинно теологических и богословских исследований, появление псевдодогматики, узко-ортодоксальных взглядов, а также редукцию основных философских доктрин. О положительном опыте в деле просвещения см., например: Авдеева А. Международная образовательная деятельность Св. Синода в начале XX века как фактор укрепления авторитета России // Вестник Российской нации. 2013. №6. С. 98 – 104.

³⁷ Спикер Палаты регионов указала, что «Мы не можем подчиняться диктату нравственного релятивизма, на идейной основе которого разрешается, например, усыновление детей в однополых семьях. Мы не можем и не будем соглашаться с представлением о том, будто бы абсолютных нравственных ценностей вообще не существует. Одно из важнейших условий сохранения России в качестве великой державы, стабильной и процветающей страны – это укрепление семьи» (Петров В. Право на силу и веру // Российская газета. 2014. №18(6290)). См. также: Диалог Церкви и власти. Рождественские парламентские встречи // Парламентская газета. 2013. № 3(2632). С. 12 – 13.

политическую ангажированность церкви и противодействуя политической псевдорелигиозности, политической теологии³⁸.

История России, например, свидетельствует о многовековом опыте социально-благотворительной работы, которой занималась церковь совместно с государством – так называемые дома призрения, различные благотворительные учреждения, ведение иной публично-гуманитарной, социальной работы. Именно решение этих вопросов должно быть в ценностном «рейтинге» человека, особенно молодого поколения. Воспитание ответственности за себя и рядом живущего человека позволило бы избежать множества проблем³⁹. Здесь нельзя не согласиться с мнением Берл Лазара, заявленном на указанном выше заседании Консультативного совета, о необходимости привлекать молодых, поскольку «(у них есть свое видение), чтобы понять, что реально можно сделать, чтобы их взгляды стали правильнее и полезнее для общества».

Сказанное подводит к убежденности в том, что идеи социальной, общественной, справедливости⁴⁰, ценности человеческой жизни, уважения интересов общества являются основой для любого поступательного и прогрессивного развития государства в целом и каждого гражданина в частности. Тесная связь нравственных основ и правовых предписаний активно проявляется в современном российском законодательстве. Так идея гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений заложена в ряде принципиальных актов, определяющих путь дальнейшего развития нашего государства. В частности, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) «ориентирует органы государственной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, субъекты национальной политики как на сохранение единства этнокультурного и языкового разнообразия, так и на борьбу с ксенофобией, идеями и практикой экстремизма, этнического превосходства и исключительности»⁴¹. В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20.11.2013 г.) справедливо указывается, что одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. В этом смысле церковь, религия может стать обоюдоострым инструментом.

Глубоко понимая двойную роль церкви, с одной стороны, как инструмента гармоничного развития общества и государства, и, с другой стороны, несущую

---

³⁸ Итогом политизации религиозности, в частности, является: «появление религиозного фундаментализма и экстремизма, участие и религиозных деятелей в политических и электоральных процессах, использование конфессионального фактора в целях политической мобилизации, наконец, широкое использование исламской риторики сепаратистами...» (см. *Магомед-Эми Шамсуев. Гражданская идентичность как фактор безопасности в макрорегионе (на примере Северного Кавказа) // Вестник Российской нации. 2013. № 3-4. С. 132 – 133).*

³⁹ Господь – Бог, который «дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской (Второзаконие 10:17-19).

⁴⁰ «Правды, правды ищи, дабы ты жил и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе. (Втор. 16:19). Отметим, что иудейская богословская мысль понятие справедливости выводит за рамки классической греческой философии. Так, Платон в своем сочинении «Республика», справедливость понимал как простое гармоничное сосуществование граждан полиса. С точки зрения иудаизма, справедливость рассматривается не как предмет или механизм общего, но исключительно как личность, ответственную перед Всевышним: «извращение справедливости – один из наиболее вопиющих признаков национальной деградации» (подробнее см.: Тора. Пятикнижие и Гафтарот... С. 1189 – 1191).

⁴¹ См.: Рекомендации Консультативного совета при Председателе СФ ФС РФ по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями по вопросу «Законодательное обеспечение реализации стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года в части укрепления гражданского единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации».

великую сакральную ответственность в деле сохранения душ человеческих, председатель РПЦ, выступая в Совете Федерации ФС РФ на Рождественских парламентских встречах 2014 года отметил, что Церковь готова поддерживать все государственные и общественные институты в их стремлении укрепить традиционные нравственные ценности. Патриарх подчеркнул также, что подобная позиция обусловлена самой природой христианства, а не стремлением Церкви повлиять на политическую ситуацию. А государство, «сообразуясь с естественными нравственными нормами, не делается религиозным» – оно становится "благоразумным попечителем" об общем благе»⁴². Наверное, в этом состоит обновлённое понимание христианской доктрины симфонии властей – гармоничных взаимоотношений между духовным и светским, предметного сотрудничества государственных институтов, Церкви и общества.

В христианском государстве, строящемся на принципе симфонии властей, государственная служба и, в особенности, служба воинская имеет глубокое духовное значение. Империя и Церковь по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа "нераздельны и неслиянны".

Император, являющийся верховным Возглавителем всех вооруженных сил, не есть простое гражданское должностное лицо, каким является глава государства при демократически-светском государственном устройении. Император является видимым проявлением Божественного присутствия в истории. Понимание монарха как помазанника Божьего и живого Его Образа в русской консервативной мысли превосходно выражено Н.В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий, как это признает покуда чутьем, вся земля наша <...>. Всё полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословья и званья, и обративши все, что ни есть в нем, как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущем народе своем, государь приобретет тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству и которого прикосновение будет не жестоко его ранам, который один может только внести примиренье во все сословия и обратить в стройный оркестр государство. Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который сам есть любовь».

Отечество, православное царство — это тоже не есть только некоторая территория с некоторым населением. Это место пребывания Благодати Святого Духа, Дом Богородицы. Если Храм — это «Небо на земле», то и всё земное православное Отечество — это зримый образ Отечества небесного. Воинская служба, следовательно, не есть служба интересам одного лица (как в секуляризованной, обмирщенной монархии) или большинства населения (как при демократии). Это служба, прежде всего Богу и, затем, Царю, как Его образу, и Отечеству, как месту Его пребывания. Вообще, для русского религиозного сознания характерно желание видеть Божественное присутствие в конкретном человеке. Через волю Императора реализуется Божественный промысел. Значит, и возглавляемые Императором вооруженные силы - орудие исполнения Божественного промысла, а не инструмент реализации частных экономических и политических инструментов. Можно, вспомнить слова А.В. Суворова, обращенные к войскам: «С нами Бог! Он наш генерал». Воинская иерархия есть подобие иерархии церковной. Не случайно требования, предъявляемые к супруге офицера сходны с каноническими требованиями, предъявляемыми к супруге священника. Соответственно, офицерский чин не есть лишь внешнее юридическое

---

⁴² Петров В. Право на силу и веру // Российская газета. 2014. №18(6290).

отличие. Подобно тому, как при рукоположении в священный сан сообщаются особые благодатные дары, необходимые для совершения таинств и пастырства так же и при производстве в офицерский чин сообщается особый духовный статус защитника Царя, Церкви и Родины, человека чести и долга. Производство в чин осуществляется от имени Императора, который получил особую благодать при помазании и венчании на Царство. «Молитвенное же освящение Церкви царская власть получала в обряде венчания на царство, которым устанавливалась некая брачность. ... Здесь устанавливалась особая, священно-эротическая связь с народом, ощутимая только для Церкви и существовавшая поверх всякого правового утилитаризма и государственного устройства... Земной царь в этом свете становился как бы некоей иконой Царя царей, на которой в торжественные священные миги мог загораться луч Белого Царства» (С.Н.Булгаков. Свет Невечерний). И эта благодать, которой обладает Император, «Первый дворянин» передавалась и далее, офицерам и всем дворянам. Вновь хочется подчеркнуть это значение христианской любви, которая связывала русского офицера с Царем, с одной стороны и с солдатами — с другой. В военной среде как нигде более мог быть реализован тот идеал служебных отношений, который был обозначен Н.В. Гоголем: «Еще скажу вам слово насчет любви и всеобщего расположения к себе, за которыми многие так гоняются. Заискивать любви к себе есть незаконное дело и не должно занимать человека. Смотрите на то - любите ли вы других, а не на то - любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин. О, как я благодарен за то, что еще от детства вселил в меня Бог непонятное мне самому чувство бежать от всяких неумеренных излиятий, даже родственных и дружеских, как от чего-то приторного и неприятного. Как это верно, что полная любовь не должна принадлежать никому на земле. Она должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать ее к поставленному над ним высшему начальнику, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно в виду всех всеми любимый царь самому Богу». Таким образом государственная жизнь, должна была основываться на «кругообороте любви» - от Царя, через все ступени служебной лестницы до низших чинов и, обратно - через офицерскую и чиновную иерархию к Царю.

Разумеется, далеко не всегда в повседневной жизни реализовывался дворянский и офицерский идеал. Но и Спаситель дал своим ученикам увидеть свою Божественную славу лишь в избранный день, в день Преображения. В жизни офицера именно на поле боя, в момент подвига и самопожертвования, наступал тот момент, когда уходило всё внешнее и будничное, когда в полной мере проявлялась его духовная высота.

Успех можно достигнуть только в том случае, если формируемая современная правовая среда основывается на моральных, духовных и нравственных ценностях нашего общества, учитывает его исторические традиции и общественные – общие для социума – идеалы.